

ЛИЛИЯ РОМАНОВА

ПОПАДАНКА
СЕДЬМАЯ
КАЗНЬ ДРАКОНА

Лилия Тимолаева

**Попаданка. Седьмая
казнь дракона**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Попаданка. Седьмая казнь дракона / Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

В седьмой раз я поднимаю клинок над драконом, которого уже шесть раз видела мёртвым. Я — Агата Зорина, запертая в теле хранительницы Руты Фальк. Каждое утро правитель Аурема требует казнить Сайласа Керна. Каждый вечер чёрное солнце поглощает город. На рассвете всё начинается заново — и лишь мы с приговорённым помним предыдущие смерти. Сайлас должен быть моим врагом. Вместо этого он становится единственным союзником, который видит во мне Агату, а не Руту. Чтобы освободить его и разорвать петлю, мне придётся раскрыть ложь правителя, понять замысел прежней хозяйки тела и сделать выбор между дорогой домой и жизнью дракона. Но чем ближе мы к правде, тем опаснее доверие и тем труднее отрицать чувство, которому не место между палачом и осуждённым. Он — дракон, которого я должна убить. Я — единственная, кто может его спасти. И седьмой рассвет уже начался.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Седьмой рассвет	5
Глава 2. Тот, кто помнит	18
Глава 3. Один день до гибели	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1. Седьмой рассвет

В седьмой раз я подняла клинок над драконом, которого уже шесть раз видела мёртвым.

Толпа на площади замерла, ожидая удара. Тысячи лиц были обращены к чёрному помосту, и с такой высоты люди казались узором из светлых одежд, блестящих украшений и поднятых голов. Они знали, что сейчас произойдёт. Они пришли сюда ради этого.

Только никто из них не помнил предыдущих казней.

Клинок лежал в моих ладонях тяжёлой полосой тёмного металла. Рукоять обжигала кожу, хотя я держала её через перчатки. По лезвию двигались золотистые знаки, складываясь в незнакомые слова и вновь рассыпаясь. За шесть повторений я успела выучить их порядок. Первый вспыхивал у гарды, когда правитель поднимал руку. Второй отвечал на голос толпы. Последний появлялся перед самым ударом.

После него остановить клинок мне ещё ни разу не удалось.

— Рута Фальк, — раздался над площадью голос Мерода Фосса. — Исполните приговор. Имя снова ударило больнее, чем раскалённая рукоять.

Рутой звали женщину, чьими руками я держала клинок, чьими глазами видела золотые башни Аурема и чьё отражение встречало меня в каждом зеркале. Высокая, темноволосая, с прямыми бровями и узким белым шрамом у виска. Горожане узнавали её. Стража подчинялась её приказам. Сам правитель обращался к ней так, словно они были знакомы много лет.

Я оставалась Агатой Зориной, даже если этот город отказывался признавать моё имя.

Чёрное солнце висело над дворцом, не сдвигаясь ни на палец. Его окружал медный венец, от которого по небу расходились тонкие багровые полосы. Свет заливал площадь, но не давал привычного тепла. Жара поднималась от камня, от металлических ограждений и от плотного церемониального плаща, стягивавшего плечи.

Воздух пах пылью, нагретым железом и дымом жаровен.

Передо мной на коленях стоял Сайлас Керн.

Цепи охватывали его запястья, шею и грудь, сходясь к вбитому в помост кольцу. Серебристый металл покрывали те же золотые знаки, что и клинок. Свет пробегал по звеньям при каждом движении пленника, заставляя его останавливаться.

В первый день я решила, что он человек.

Только когда он поднял голову, я увидела тонкие тёмные чешуйки у висков и вертикальные зрачки цвета расплавленной бронзы. Тогда толпа впервые закричала: «Смерть дракону!» — а я ещё не понимала, почему стою над связанным мужчиной с оружием в руках.

Теперь я знала его лицо лучше, чем лица многих людей из прежней жизни.

Знала складку между бровями, появлявшуюся, когда цепи впивались в плечи. Знала, как он отводит левую ногу, пытаясь сохранить равновесие. Знала, что перед объявлением приговора он смотрит на дворцовую башню, затем на чёрное солнце и лишь потом на женщину с клинком.

Сегодня порядок изменился.

Сайлас смотрел только на меня.

В его взгляде отсутствовала привычная ненависть. Там было внимание человека, который заметил давно ожидаемую перемену и теперь проверял, не ошибся ли.

Я перехватила рукоять. Пальцы скользнули по гладкой коже.

Сайлас проследил за этим движением.

— Поднимите клинок, хранительница, — приказал Мерод.

Голос правителя доносился с белой трибуны напротив помоста. Мерод сидел под широким золотым навесом, окружённый городской знатью. На нём была светлая одежда, вышитая

символами солнца. Тяжёлые волосы падали на плечи, а лицо сохраняло спокойное выражение человека, уверенного в каждом следующем мгновении.

Слева от меня стоял командир стражи Гектор Лоран. Его рука лежала на рукояти меча, хотя Сайлас был прикован, а я окружена двумя рядами вооружённых людей.

На первом повторении Гектор удержал меня за локоть, когда я отшатнулась от пленника.

На втором он приказал страже увести меня с площади после отказа исполнить приговор.

На третьем встретил у западных ворот, куда я пыталась добраться до начала церемонии.

На четвёртом выслушал мою сбивчивую историю о повторяющемся дне и отправил под охрану, решив, что Рута Фальк утратила рассудок.

Каждый раз он действовал одинаково: хмурился, выпрямлял плечи и говорил, что безопасность Аурема важнее одного человека.

Сейчас его пальцы лежали на мече точно так же.

— Хранительница, — напомнил Гектор.

За его спиной стояла Юна Брейс, моя помощница. Тонкая девушка в сером платье держала сложенный церемониальный плат. В каждое утро она поправляла ворот моего плаща, проверяла застёжки и шептала одну и ту же фразу:

«Пусть ваша рука останется твёрдой».

Сегодня она сказала это перед выходом на площадь, а потом заметила, как я вздрогнула.

Юна ничего не помнила. Никто не помнил.

Я подняла клинок над плечом.

Площадь ответила единым вздохом.

Золотые знаки на лезвии ожили. Свет проник под перчатки, прошёл по запястьям и сомкнулся вокруг предплечий. Пока он не причинял боли. Ритуал лишь напоминал, что моя свобода закончилась в тот момент, когда я вышла на помост.

— За убийство королевы Эстеры, — начал Мерод, — за попытку разрушить защиту Аурема, за измену мирному договору и гибель семнадцати хранителей Сайлас Керн приговаривается к окончательной смерти.

Я слышала эти слова седьмой раз и до сих пор не знала, правдивы ли они.

В первый день я поверила всему.

Я очнулась за несколько мгновений до казни, не понимая, где нахожусь и почему люди называют меня Руттой. Вокруг кричали, Гектор подталкивал меня к пленнику, а Мерод требовал удара. Я думала, что попала в кошмар, который закончится после пробуждения.

Клинок опустился.

Вечером город исчез.

Следующим утром я снова стояла на помосте, а живой Сайлас ждал казни.

Тогда я отказалась.

Я бросила клинок к ногам Мерода и заявила, что не убью человека без суда, которого сама не видела. Золотые знаки на помосте вспыхнули. Цепи Сайласа натянулись, а городская стража окружила меня.

Казнь всё равно состоялась.

Ритуальный клинок поднял мою руку без моего согласия.

На закате Аурем погиб снова.

В третьем повторении я сбежала ещё до выхода на площадь. Оттолкнула Юну, спустилась по служебной лестнице и растворилась среди торговых рядов. Я добралась до западной стены, но ворота закрылись передо мной. Гектор ждал там, словно заранее знал мой путь.

Меня вернули на помост.

В четвёртый день я пришла к нему сама. Рассказала о гибели города, о чёрных волнах, поднимавшихся из мостовых, о повторении одних и тех же разговоров. Назвала имена страж-

ников, которые должны были появиться через несколько минут, и описала падение чаши на правительской трибуне.

Чаша упала.

Стражники появились.

Гектор побледнел, однако приказал запереть меня в башне.

Ритуал нашёл меня и там.

В пятый раз я попыталась напасть на Мерода.

Клинок был связан с моей рукой, поэтому я решила использовать его против человека, который командовал казнью. Мне удалось спрыгнуть с помоста и подняться на три ступени белой трибуны. Затем золотой свет вывернул моё запястье и направил оружие обратно к Сайласу.

Мерод даже не поднялся с кресла.

Его спокойствие преследовало меня сильнее, чем гибель города.

В шестом повторении я впервые попробовала освободить дракона. До церемонии пробралась в нижние камеры, нашла Сайласа за дверью с солнечными знаками и потребовала объяснений. Он встретил меня молчанием. Стоял у стены, закованный в цепи, и смотрел так, словно видел перед собой женщину, которую давно презирал.

Я назвала своё настоящее имя.

Он не отреагировал.

Через несколько минут вошла стража.

К вечеру Аурем снова поглотила тьма.

И вот теперь, перед седьмым ударом, Сайлас смотрел на меня иначе.

Мерод продолжал читать приговор. Его слова расходились над площадью, отражаясь от башен и арок.

— Смерть осуждённого укрепит солнечную защиту и сохранит жизнь каждому жителю Аурема.

Люди ответили одобрительным гулом.

На краю площади женщина подняла ребёнка на руки, чтобы тот лучше видел помост. Рядом торговец прикрыл глаза ладонью от света. Молодой стражник поправил шлем и переступил с ноги на ногу.

Все повторяли знакомые движения.

До падения бронзовой чаши оставалось несколько мгновений.

Я посмотрела на правительскую трибуну.

Слуга подал Мероду воду. Правитель коснулся чаши, но не взял её. Слуга разжал пальцы раньше, чем почувствовал отсутствие тяжести.

Бронза ударилась о камень.

Толпа даже не обернулась.

Моё сердце сбилось, хотя я знала, что это произойдёт.

Сайлас перевёл взгляд на упавшую чашу, затем вернулся ко мне. В уголке его рта появилось выражение, похожее на горькую усмешку.

Он тоже ждал этого звука.

Осознание пришло так внезапно, что клинок дрогнул.

Гектор сделал шаг ко мне.

— Рута?

— Он помнит, — выговорила я.

— Что?

Я не ответила.

Сайлас расправил плечи, насколько позволяли цепи. От этого движения знаки на звеньях вспыхнули, но он не опустил головы.

В прошлые дни перед ударом он либо молчал, либо произносил одну и ту же фразу: «Аурем всё равно падёт».

Тогда я принимала её за угрозу.

Сегодня он сказал другое.

— Вы наконец начали считать рассветы, хранительница?

Голос оказался низким и хриплым после долгого молчания. Толпа не расслышала слов.

Их поглотил шум площади.

Я стиснула рукоять.

— Какой сейчас день?

— Для города — единственный, — ответил он. — Для вас, судя по глазам, уже не первый.

У меня похолодели ладони, хотя металл продолжал обжигать кожу.

— Вчера в камере ты меня не узнал.

— Я узнал Руту Фальк.

— Я сказала тебе своё имя.

— Вы произнесли его так, словно сами ещё сомневались.

Золотой свет на клинке поднялся до середины лезвия.

Мерод завершал приговор.

У нас оставались секунды.

— Ты помнишь прошлые дни? — спросила я.

Сайлас посмотрел на знаки, охватывавшие мои руки.

— Больше, чем хотел бы.

— Почему раньше молчал?

— Потому что шесть раз передо мной стояла женщина, готовая либо убить меня, либо использовать для собственного спасения.

Я едва не рассмеялась от бессилия.

— Я пыталась тебя освободить.

— После пяти казней.

В его голосе отсутствовало обвинение. Это звучало как факт, от которого невозможно отмахнуться.

Я посмотрела на его лицо и впервые позволила себе представить, что означали эти дни для него.

Я просыпалась перед казнью, переживала несколько часов и погибала вместе с городом. Сайлас начинал каждое утро в цепях. Он видел женщину, которая поднимала клинок. Чувствовал приближение удара. Помнил собственную смерть.

Семь раз.

Мне стало трудно удерживать оружие.

— Почему сегодня решил говорить?

— Потому что сегодня вы смотрите на меня, а не на выход с площади.

Последний знак вспыхнул у острия.

Ритуал сомкнулся вокруг моих рук.

— Исполните приговор! — приказал Мерод.

Толпа подхватила его слова.

Я попыталась опустить клинок к помосту, но мышцы перестали подчиняться. Свет проник под кожу, заставляя руки двигаться по заранее определённой дуге.

— Сайлас, — выдохнула я. — Скажи, как это остановить.

Он не отвёл взгляда.

— Сейчас уже никак.

— Тогда почему ты заговорил?

— Чтобы проверить последнюю догадку.

Клинок начал опускаться.

Я упёрлась каблуками в горячий камень, развернула плечи и попыталась увести удар в сторону. Ритуал потянул сильнее. По рукам прошла судорога, пальцы сомкнулись на рукояти.

— Какую догадку?

На лице Сайласа впервые появилось настоящее чувство.

Надежда.

Она выглядела здесь невозможной и потому пугала сильнее обречённости.

— Агата, — произнёс он.

Мир вокруг на мгновение утратил звук.

Толпа продолжала кричать, жаровни горели, знамёна колыхались над трибуной, однако всё это отступило. Остался связанный дракон, смотревший мне в глаза, и моё имя, которое в этом городе никто не мог знать.

Я рванула руки на себя.

— Стой!

Клинок продолжил движение.

Золотые знаки вспыхнули ослепительным светом. Я успела увидеть, как Сайлас поднял подбородок, принимая удар без покорности. В его взгляде не было просьбы о пощаде. Он словно требовал, чтобы я запомнила эту секунду.

Лезвие коснулось знака на цепях.

По помосту прошла волна света.

Сайлас выгнулся, цепи натянулись, и его фигуру окружило золотое пламя. Я не увидела крови. Свет закрыл его от толпы, поднялся до самого чёрного солнца и рассыпался сотнями искр.

Когда сияние погасло, передо мной остались пустые цепи.

Площадь взорвалась криками.

Люди обнимали друг друга, бросали на помост цветы и поднимали руки к неподвижному солнцу. Музыканты у дворцовых ступеней заиграли торжественную мелодию. Золотые знамёна развернулись над головами.

Я стояла среди праздника, не ощущая ничего, кроме пустоты.

Сайлас знал моё имя.

Он помнил.

И я снова убила единственного человека, способного объяснить происходящее.

Клинок выскользнул из моих рук и ударился о помост. На этот раз ритуал позволил мне его отпустить.

Гектор оказался рядом.

— Хранительница?

Я смотрела на пустые цепи.

— Уберите людей с площади.

— Церемония завершена. Опасности больше нет.

— Вечером они погибнут.

Он замер.

За шесть повторений я произносила эти слова разными голосами: кричала, требовала, умоляла. Гектор всегда отвечал одинаково.

— Смерть дракона укрепила защиту.

— Она ничего не укрепила.

— Вы исполнили долг. Вам нужно покинуть помост.

Он говорил с уважением, но его ладонь уже находилась возле моего локтя. Стоило мне сопротивляться, и уважение закончилось бы.

Я посмотрела на Мерода.

Правитель поднялся с кресла. Горожане приветствовали его, однако он наблюдал за мной поверх их голов. Расстояние между трибуной и помостом не позволяло различить выражение его глаз, зато я видела улыбку.

Он улыбался каждый раз.

В первый день я решила, что это удовлетворение после казни.

В пятый поняла: Мерод смотрит на меня так, словно знает, чем закончится каждая попытка.

— Я хочу поговорить с правителем, — сказала я.

— Позже.

— Сейчас.

Гектор проследил за моим взглядом.

— Его светлость примет вас после церемонии очищения.

— До вечера?

— Разумеется.

Он не знал, как мало значит это слово в городе, где вечер никогда не становился прошлым.

Юна поднялась на помост и накинула плат на клинок. Её пальцы дрожали. В прежние дни она подходила к оружию спокойно.

Я повернулась к ней.

— Ты видела, что произошло?

— Казнь завершилась, госпожа.

— Он говорил со мной.

Юна опустила глаза.

— Осуждённым позволено последнее слово.

— Он назвал моё имя.

— Все знают имя хранительницы.

— Другое имя.

Она посмотрела на меня, и на короткое мгновение в её лице появилось беспокойство.

— Какое?

Я уже открыла рот, но остановилась.

В шестом повторении я доверилась Сайласу и сказала, что меня зовут Агатой. Через несколько минут пришла стража.

Кто сообщил им?

Возможно, Юна. Возможно, стены камеры сами передали мои слова. В Ауреме светились письма, клинок управлял руками, а солнце стояло неподвижно. Я больше не могла считать тайной то, что произносила вслух.

— Ничего, — ответила я. — Мне показалось.

Юна не поверила, однако спорить не стала.

Стражники сняли цепи с кольца и понесли их к лестнице. Серебристые звенья скользили по чёрному камню, оставляя светлые полосы. Один из солдат наступил на рассыпанный цветок. Лепестки прилипли к подошве.

Я уже видела эту картину.

Через несколько часов те же люди будут бежать по площади, когда из мостовой поднимется тьма.

Я спустилась с помоста.

Горожане тянули ко мне руки, благодарили за спасение и произносили имя Руты. Кто-то бросил белую ленту, и она легла на ступень перед моими ногами.

В третьем повторении я подняла эту ленту. На ней было вышито: «Солнце хранит верных».

К вечеру ткань почернела и рассыпалась у меня в ладони.

Сегодня я перешагнула через неё.

До дворца меня сопровождали Гектор, Юна и шесть стражников. Площадь осталась за спиной, но шум праздника проникал под своды переходов. Здесь стены были прохладнее. Золотые линии в камне вспыхивали при нашем приближении и гасли позади.

Я считала повороты.

Три арки до внутреннего двора. Лестница из двадцати четырёх ступеней. Галерея с мозаикой чёрного солнца. Две двери.

В каждом повторении путь оставался прежним.

У дверей Гектор остановился.

— Его светлость ждёт вас.

— А ты войдёшь?

— Разговор касается хранительницы.

Мне хотелось потребовать, чтобы он остался. Потом я вспомнила четвёртый день. Даже увидев доказательства повторения, Гектор выбрал приказ.

— Тогда жди здесь.

Мерод стоял у открытого окна, выходящего на площадь. Без трибуны и свиты он казался моложе. Светлая одежда скрывала фигуру, а на правой руке блестело кольцо с чёрным камнем.

В пятый день я целилась клинком именно в это кольцо.

Тогда мне показалось, что по его поверхности пробежали золотые знаки.

Сейчас камень оставался тёмным.

— Рута, — произнёс Мерод. — Сегодня вы заставили меня волноваться.

— Разве?

— Ваша рука дрогнула.

— Я казнила живое существо.

— Вы уничтожили врага города.

Он подошёл к столу и налил воду в две узкие чаши. Одну протянул мне.

Я не взяла.

— Сайлас Керн говорил перед смертью.

— Осуждённые часто говорят.

— Он назвал меня Агатой.

Рука Мерода остановилась лишь на долю секунды.

Если бы я не наблюдала за ним шесть дней, то не заметила бы.

Он поставил чашу на стол.

— Что означает это слово?

— Моё имя.

— Вас зовут Рута Фальк.

— Так вы говорите.

Мерод посмотрел на меня с усталым терпением.

— Переход между хранительницей и клинком иногда вызывает спутанность воспоминаний. Ритуал требует значительных сил.

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Я помню шесть казней.

В комнате стало тише, хотя шум площади продолжал доноситься из окна.

Мерод коснулся кольца.

— Вы устали.

— В первый раз я исполнила приговор. Во второй отказалась. В третий попыталась покинуть город. В четвёртый обратилась к Гектору. В пятый хотела убить вас. В шестой пришла к Сайласу в камеру.

Лицо правителя не изменилось.

— Любопытный сон.

— Я знаю, что вечером упадёт тень от восточной башни, хотя солнце не движется. Знаю, что на южном рынке загорится навес. Знаю, что Гектор придёт к вам перед закатом и потребует открыть нижние убежища. Вы откажете.

Мерод подошёл ближе.

— Если всё это уже происходило, почему вы снова исполнили приговор?

— Ритуал управляет клинком.

— Тогда ваше решение ничего не меняет.

— Вы знаете, что день повторяется.

Это был не вопрос.

Мерод посмотрел в окно. На площади продолжался праздник. Музыка поднималась к дворцовым стенам, перемешиваясь с голосами торговцев.

— Аурем существует благодаря порядку, — сказал он. — Каждый человек исполняет свою роль. Стража охраняет стены. Совет управляет запасами воды. Хранительница завершает ритуал.

— А дракон умирает.

— Он был осуждён.

— Семь раз?

Мерод повернулся ко мне.

Его спокойствие дало трещину. Совсем небольшую, заметную лишь по напряжению у глаз.

— Отдохните, Рута.

— Ответьте.

— К вечеру вы почувствуете себя лучше.

Я рассмеялась, и собственный голос показался мне чужим.

— К вечеру город погибнет.

— Город стоит триста лет.

— Для всех остальных.

Мерод подошёл настолько близко, что я увидела тонкие золотые линии в его радужках.

— Вы исполнили приговор, — произнёс он. — Теперь позвольте дню завершиться.

Слова прозвучали как предупреждение.

И одновременно как признание.

Я отступила к двери.

— Что произойдёт, если день завершится иначе?

Мерод снова улыбнулся.

— Вы уже пытались выяснить.

Дверь открылась за моей спиной. Гектор вошёл без приглашения, словно услышал заранее определённый сигнал.

— Проводите хранительницу в её покои, — приказал Мерод. — Проследите, чтобы ей никто не мешал.

— Я не пленница.

— Конечно, нет.

Два стражника заняли места у двери.

Я вышла, не прощаясь.

До полудня оставалось несколько часов. В предыдущие дни я тратила их на бегство, угрозы и попытки найти путь за стены. Сегодня впервые у меня появилось нечто более ценное.

Сайлас помнил.

Значит, утром он снова будет жив.

Я должна была встретить следующий рассвет и не позволить ритуалу отнять у нас время. Для этого требовалось пережить гибель города ещё один раз.

Мысль оказалась страшнее самой смерти.

В своих покоях я нашла всё на прежних местах: тёмный плащ на ширме, чашу с водой, закрытые ставни, гребень возле зеркала. Комната принадлежала Руте Фальк, но ничего в ней не рассказывало, кем она была. Ни писем, ни портретов, ни личных записей.

Только пустые поверхности и вещи, расставленные с безупречным порядком.

Юна закрыла дверь и принялась расстёгивать тяжёлый церемониальный плащ.

— Оставь, — сказала я.

Она убрала руки.

— Вы хотите побыть одна?

— Нет. Расскажи мне о Сайласе Керне.

Юна побледнела.

— Сегодня?

— Теперь он уже никому не угрожает, верно?

— Так говорит Совет.

— А что говоришь ты?

Она сложила плат, которым накрывала клинок.

— Я была ребёнком, когда дракона привезли в Аурем.

— Сколько лет назад?

— Двенадцать.

Я посмотрела на неё.

— Мерод сказал, что преступление произошло триста лет назад.

— Так написано в приговоре.

— Тогда почему Сайласа привезли двенадцать лет назад?

Юна провела пальцами по краю ткани.

— Он находился в нижнем святилище.

— Живым?

— Я не знаю.

Она знала больше, чем говорила. Это было видно по тому, как она избегала взгляда и удерживала плат обеими руками.

— Рута бы спросила?

— Прежняя вы не задавали вопросов о приговоре.

— Прежняя?

Юна поняла ошибку и замерла.

— Я хотела сказать, до сегодняшнего дня.

— Ты замечаешь, что я изменилась.

— Вы пережили тяжёлую церемонию.

Ответ походил на слова Мерода.

Возможно, их всех учили произносить одинаковые фразы при любом отклонении от привычного порядка.

— Что произойдёт вечером? — спросила я.

— Начнётся Праздник спасения.

— А после?

— Люди зажгут огни на террасах. Правитель обратится к городу. Чёрное солнце перейдёт в ночную фазу.

— Оно никогда не движется.

Юна подняла голову.

За ставнями багровый свет лежал под тем же углом, что утром.

— Разумеется, движется.

— Посмотри сама.

Она подошла к окну и открыла ставни. Свет прорезал комнату. На противоположной стене появилась чёткая полоса.

Юна посмотрела на солнце, затем на тень от дворцовой башни.

Её лицо изменилось.

— Оно стояло там утром, — сказала я. — Через два часа будет там же.

— Так не бывает.

— Бывает каждый день.

Она закрыла ставни.

— Мне нужно позвать Гектора.

— Он не поверит.

— Тогда Мерода.

— Он верит. Потому и запер меня здесь.

Юна шагнула к двери.

Я взяла её за руку.

— В шестой раз ты привела стражу в нижнюю камеру?

Она уставилась на мои пальцы.

— Я никогда не была в нижних камерах.

— Я сказала Сайласу, что меня зовут Агатой. Через несколько минут вошёл Гектор.

— Я не слышала этого имени до сегодняшнего дня.

Её ответ прозвучал искренне.

Я отпустила руку.

За дверью стояли стражники. Побег из покоев ничего не давал. Я уже знала все пути, которыми могла воспользоваться без помощи Рутиной памяти. Каждый приводил к закрытым воротам или обратно на площадь.

Оставалось ждать.

Это оказалось самым трудным.

Часы в Ауреме не имели стрелок. В нишах стояли стеклянные сосуды с золотым песком, который поднимался снизу вверх. Когда верхняя часть наполнялась, сосуд переворачивался сам.

Я наблюдала за ним, пока не заметила первое изменение света.

Около полудня чёрное солнце вспыхнуло по краям.

Юна вздрогнула.

— Начинается праздник.

С площади донеслись трубы. Горожане заполнили улицы. На террасах появились золотые полотнища, между башнями зажглись цепочки огней.

Мы вышли на балкон.

Аурем раскинулся до самых стен, окружённый жёлтой пустыней. Дома поднимались уступами, крыши соединялись мостами, каналы отражали медный свет. Город был прекрасен именно потому, что ещё не знал о своей гибели.

На южном рынке вспыхнул навес.

Я увидела дым раньше, чем прозвучал колокол.

Юна прижала ладонь к перилам.

— Вы знали.

— Я говорила.

— Что будет дальше?

— Огонь потушат. Через час Гектор придёт к Мероду. Потом на восточной башне появится трещина. Перед закатом люди увидят тёмные линии на мостовой.

— А затем?

Я посмотрела на неё.

— Затем они начнут бежать.

Юна отступила от балкона.

— Нужно предупредить город.

— Я делала это.

— Попробуем снова.

В её голосе впервые появилась решимость, отличная от привычной покорности.

Я хотела согласиться. Хотела поверить, что ещё одна попытка изменит вечер. Однако память о предыдущих смертях удержала меня.

Когда я предупреждала людей, возникала давка. Стража закрывала улицы. Матери теряли детей, мосты рушились под толпой. Тьма всё равно приходила.

— Мы не сможем остановить это сегодня.

— Тогда что нам делать?

— Запомни.

Юна нахмурилась.

— Что именно?

— Всё, что увидишь. Постарайся удержать хотя бы одну деталь после рассвета.

— После какого рассвета?

Я подошла к ней.

— Завтра ты снова войдёшь в эту комнату. Поправишь ворот моего плаща и скажешь: «Пусть ваша рука останется твёрдой». Если сумеешь вспомнить сегодняшний разговор, не повторяй эти слова. Скажи, что чёрное солнце неподвижно.

— Рута, вы пугаете меня.

— Меня зовут Агата.

Она смотрела долго, словно решала, стоит ли произносить чужое имя.

— Агата, — сказала Юна.

Впервые в этом мире моё имя прозвучало без угрозы.

Глаза зашипало.

Я отвернулась к городу.

К вечеру всё произошло в знакомом порядке.

Гектор вошёл во дворец быстрым шагом. Стража перекрыла южные улицы. На восточной башне появилась трещина, разрезавшая золотую мозаику от крыши до основания.

Мерод вышел на центральную террасу и обратился к людям. Его голос усиливали знаки на колоннах.

— Жители Аурема, сохраняйте спокойствие. Солнечная защита обновляется после ритуала. Оставайтесь в домах и следуйте указаниям стражи.

На мостовой проступили тёмные линии.

Люди остановились.

Кто-то наклонился, чтобы рассмотреть их. Один из стражников коснулся линии копьём. Древко почернело и рассыпалось.

Тогда началась паника.

Юна стояла рядом со мной на балконе. Внизу кричали люди, хлопали двери, по мостам бежала стража. Тёмные линии расходились по улицам, поднимались по стенам и соединялись на крышах.

Чёрное солнце увеличивалось.

Его медный венец исчез. Свет стал багровым, затем серым. Башни утратили золотой блеск, словно город накрыла огромная тень.

— Это уже было? — спросила Юна.

— Шесть раз.

— И вы каждый раз видели?

— Да.

Она сжала перила.

— Почему вы не сошли с ума?

Я вспомнила, как кричала в четвёртый вечер, пытаясь убедить Гектора открыть ворота. Как бежала по крышам в третий. Как сидела возле пустых цепей в шестой и ждала конца.

— Возможно, уже сошла.

На площади появилась тьма.

Она поднималась из щелей между камнями тонкими лентами, переплеталась и превращалась в плотную волну. Люди отступали к дворцу, но ворота закрылись.

Юна увидела это и бросилась к двери.

— Откройте! — закричала она стражникам. — Нужно впустить людей!

Снаружи не ответили.

Я подошла и ударила ладонью по двери.

— Гектор!

Шаги за стеной удалялись.

Мерод спасал себя или изображал спасение. Я ещё не знала, где он встречает конец дня. В прошлые повторения мне ни разу не удалось добраться до него после появления тьмы.

Балкон дрогнул.

По стенам прошли трещины.

Юна вернулась ко мне. В её лице исчезла растерянность.

— Что будет после?

— Рассвет.

— Мы вспомним?

— Я вспомню.

— А я?

Я не хотела лгать.

— Не знаю.

Она кивнула и взяла меня за руку.

Внизу тьма достигла дворцовых ступеней. Золотые знаки на колоннах вспыхнули, пытаясь удержать её, но один за другим погасли.

Чёрное солнце опустилось ниже.

Впервые за весь день оно сдвинулось.

Только двигалось не к горизонту, а прямо к городу.

Воздух задрожал. Башни вытянулись в багровом свете, их края стали прозрачными. Площадь исчезла под тёмной волной. Крики оборвались.

Юна крепче сжала мою руку.

— Чёрное солнце неподвижно, — сказала она. — Я запомню.

Стена балкона рассыпалась золотой пылью.

Под ногами исчез камень.

Последним я увидела пустой помост на площади. Цепей там уже не было, однако мне показалось, что в центре чёрной платформы стоит человеческая фигура.

Сайлас.

Это не мог быть он. Я видела его смерть.

Фигура подняла голову.

Тьма накрыла город.

Я не почувствовала удара или падения. Мир просто исчез вместе со звуками, светом и рукой Юны в моей ладони.

Затем под ногами снова оказался раскалённый камень.

Толпа ждала.

Тяжёлый клинок лежал в моих руках. Золотые знаки спали под тёмным металлом. Над Ауремом висело неподвижное чёрное солнце.

— Рута Фальк, — раздался голос Мерода. — Исполните приговор.

Передо мной на коленях стоял живой Сайлас Керн.

Его запястья удерживали серебристые цепи. На висках мерцали тёмные чешуйки. Бронзовые глаза были устремлены на меня.

Я обернулась к Юне.

Она держала церемониальный плат. На её лице не было узнавания.

Девушка поправила край моего плаща и прошептала:

— Пусть ваша рука останется твёрдой.

Она забыла.

Я снова посмотрела на Сайласа.

Он улыбнулся. В этой улыбке не было веселья, только усталость человека, который слишком долго ждал собеседника.

— Доброе утро, Агата. Теперь ты наконец готова меня выслушать?

Глава 2. Тот, кто помнит

От неожиданности я едва не выпустила клинок. Пальцы удержали рукоять скорее по привычке, чем по моей воле, а золотые знаки под тёмным металлом ответили слабой вспышкой, предупреждая, что ритуал уже начался.

Сайлас продолжал смотреть на меня, словно вокруг не было ни толпы, ни стражи, ни Мерода на белой трибуне. Улыбка исчезла с его лица, оставив сосредоточенное ожидание.

— Сначала скажи, как пережить церемонию, — произнесла я, почти не разжимая губ.

Гектор Лоран находился в двух шагах слева. Он мог не расслышать слов, однако заметил, что я заговорила с осуждённым. Командир повернул голову, и пальцы на рукояти его меча напряглись.

— Хранительница? — спросил он.

— Последнее слово, — ответила я достаточно громко, чтобы слышали ближайшие стражники.

Люди решили, что Рута Фальк проявила великодушие перед неизбежной смертью врага города. Даже Мерод не остановил церемонию. Он лишь откинулся на спинку кресла и слегка приподнял подбородок, наблюдая за нами из-под золотого навеса.

Сайлас опустил взгляд на клинок.

— Когда третий знак дойдёт до острия, ритуал потянет ваши руки вниз, — сказал он. — Не сопротивляйтесь движению целиком. Поверните лезвие плашмя и ударьте по правому звену у кольца.

Я посмотрела на цепь, которая сходилась к вбитому в помост креплению. Все звенья казались одинаковыми, но справа от колена Сайласа одно было повернуто ребром. На его внутренней стороне мерцала тонкая чёрная черта.

— В прошлый раз клинок не позволил мне изменить удар.

— В прошлый раз вы пытались отвести его от меня. Сегодня направьте туда, куда ритуал и без того ведёт оружие, а в последний миг измените только угол.

— И что произойдёт?

— Площадь увидит мою смерть.

— А я?

— Если не ошибётесь, увидите кое-что другое.

Он говорил спокойно, но я уже знала цену этому спокойствию. За ним стояли смерти, которые он помнил во всех подробностях. Семь раз свет поглощал его на моих глазах. Возможно, это число было намного больше, и тогда его выдержка переставала казаться человеческой.

Мерод поднял руку. По площади прокатился звон, исходивший от золотых пластин на башнях.

— Жители Аурема! — голос правителя разошёлся между фасадами. — Сегодня мы вновь подтверждаем верность договору, который защищает наш город от тьмы.

— Ты помнишь все свои смерти? — спросила я.

Сайлас чуть повёл плечом, и цепь у его шеи вспыхнула.

— Достаточно, чтобы перестать их считать.

— Почему я начала помнить только семь рассветов назад?

— Не знаю. До этого в ваших глазах была Рута Фальк.

— А теперь?

— Теперь вы задаёте вопросы, которых она никогда не задавала.

Ответ задел сильнее, чем я ожидала. Я жила в чужом теле, носила чужое имя и не знала, где заканчивалась Агата, когда клинок заставлял мышцы повиноваться. Сайлас оказался пер-

вым, кто различил нас без объяснений. Он сделал это не из доброты и не из доверия, но само узнавание прорвало одиночество, окружавшее меня с первого рассвета.

— За убийство королевы Эстеры, — начал Мерод знакомую часть приговора, — за попытку разрушить защиту Аурема, за измену мирному договору и гибель семнадцати хранителей...

Сайлас посмотрел на трибуну. В его лице появилась твёрдость, которой не было в коротком разговоре со мной.

— Если мы выберемся, ты расскажешь, почему приговор лжёт, — сказала я.

— Если мы выберемся, я расскажу, какую часть лжи вы готовы услышать.

— Неплохое начало для союза.

— Я не предлагал доверия. Только общую цель.

— Какую?

— Дожить до вечера вне ролей палача и приговорённого.

Первый знак загорелся у гарды. Свет проник под перчатки и охватил запястья. Я почувствовала знакомое давление, пока ещё слабое.

— После удара не отпускайте клинок, — продолжил Сайлас. — Что бы ни увидели, держитесь за рукоять.

— Почему?

— Потому что помост откроется.

Я успела перевести взгляд на чёрные плиты под ногами.

— Это можно было сказать раньше.

— Вы могли отказаться.

— Я всё ещё могу.

— Тогда через несколько часов город погибнет, а завтра мы снова окажемся здесь. Разница лишь в том, что Мерод начнёт следить за вами внимательнее.

Мерод не отрывал от меня глаз, а чёрный камень на его кольце поблёскивал при каждом движении руки.

Второй знак вспыхнул, откликнувшись на голос толпы. Люди выкрикивали имя Руты и требовали смерти дракону. Юна стояла за спиной Гектора с церемониальным платом. Она снова ничего не помнила, но смотрела на меня с беспокойством. Возможно, дрожь моих рук была заметна даже с её места.

— Как ты создашь иллюзию в цепях? — спросила я.

— Цепи удерживают моё тело. Воображение они пока не подчинили.

— Если обман раскроется, нас окружают прежде, чем откроется помост.

— Поэтому вам придётся сыграть убедительно.

— Я семь раз видела твою смерть. Думаю, изображать потрясение не понадобится.

На мгновение его взгляд смягчился.

— Тогда на этот раз смотрите не на свет. Смотрите на меня.

Третий знак двинулся по лезвию. Руки налились тяжестью, плечи потянуло вперёд. Мерод завершил приговор и поднялся с кресла.

— Рута Фальк, исполните долг хранительницы!

Крик толпы ударил в спину.

Я позволила клинку начать привычное движение. Мышцы подчинились золотому свету, однако теперь я не пыталась остановить всю силу ритуала. Сосредоточилась на кистях, на положении большого пальца, на едва заметном повороте рукояти.

Сайлас поднял голову. Бронзовые глаза удерживали мой взгляд, не позволяя увидеть толпу, трибуну и вспышку у острия.

— Сейчас, — сказал он.

Я повернула клинок.

Боль прошла от запястий к плечам, словно ритуал заметил нарушение и попытался вернуть лезвие в прежнее положение. Я стиснула рукоять обеими руками и направила удар туда, куда показал Сайлас.

Плашмя клинок коснулся правого звена.

Чёрная черта внутри металла раскрылась. Из неё вырвался золотой свет, а Сайлас одновременно вскинул связанные руки. На его коже проступили тёмные чешуйки, распространяясь от висков к шее. Воздух над помостом дрогнул.

Я увидела, как лезвие проходит через его грудь.

Увидела, как он выгибается от удара и исчезает в столбе золотого пламени.

Но мои руки чувствовали иное. Клинок ударил по цепи. Металл раскололся, а рукоять рвануло вниз вместе с правым краем помоста.

Толпа закричала от восторга.

Передо мной стоял Сайлас, живой и окутанный прозрачным маревом. Поверх его фигуры повторялась иллюзия казни, закрывая нас от площади. Пламя не грело, зато слепило так, что ближайшие стражники отступили.

— Не отпускайте! — крикнул он.

Разбитое звено втянулось в щель между плитами. Чёрный камень под ногами раскололся по кругу. Я успела увидеть, как Гектор бросается вперёд, а Мерод на трибуне впервые теряет спокойствие.

Помост исчез.

Мы провалились в темноту.

Клинок потянул меня вниз. Я ударилась плечом о край каменного проёма, перевернулась в воздухе и уже приготовилась к встрече с дном, когда чья-то рука обхватила меня поперёк талии.

Сайлас прижал меня к себе и развернулся так, чтобы принять удар спиной.

Мы рухнули в воду.

Она сомкнулась над головой, ледяная по сравнению с жарой площади. Из лёгких выбило воздух. Я продолжала держать клинок, который светился под водой и тянул ко дну. Сайлас не отпустил меня. Он оттолкнулся ногами от камня, поднял нас к поверхности и вытолкнул в пространство, наполненное гулким плеском.

Я вдохнула и закашлялась. Вода доходила до груди. Над нами находился круглый проём, через который проникали полосы золотого света. В них мелькали лица стражников.

— Они внизу! — донёсся голос Гектора. — Открыть решётку!

Сайлас потянул меня к стене.

— Двигайтесь.

— Здесь темно.

— Через минуту станет ещё темнее.

Иллюзия над помостом погасла. Проём заслонили фигуры, и сверху посыпалась каменная крошка. Кто-то пытался расширить отверстие.

Сайлас нащупал в стене узкий проход. Цепь всё ещё охватывала его шею и левое запястье, а конец расколотого звена волочился за ним по воде. Он протиснулся внутрь боком, затем протянул мне руку.

Я посмотрела на ладонь с тёмными чешуйками у запястья.

— Ты знал, что мы упадём в воду?

— В общих чертах.

— Очень обнадеживает.

— Можете остаться и обсудить подробности с Гектором.

Сверху ударили по решётке. Золотая полоса рассекла воду рядом со мной, оставив на поверхности шипящий след.

Я вложила ладонь в руку Сайласа.

Он втянул меня в проход до второй вспышки. Мы оказались в тесной каменной нише. Пришлось прижаться к стене, чтобы пропустить его вперёд. Мокрая ткань церемониального плаща тянула назад, а клинок цеплялся за выступы.

— Снимите плащ, — сказал Сайлас.

— Здесь нет места даже развернуться.

— Поэтому либо снимите его, либо он утянет вас, когда вода поднимется.

— Она поднимется?

Вместо ответа он дёрнул цепь. Звенья ударились о стену, и где-то в глубине прохода загудел механизм. Вода у наших ног пришла в движение.

Я нашла застёжку у горла, но пальцы плохо слушались после ритуала. Сайлас наблюдал несколько секунд, потом поднял связанную руку.

— Позвольте?

Вопрос прозвучал неожиданно. Человек, которого я семь раз казнила, спрашивал разрешения коснуться застёжки.

Я кивнула.

Он подцепил металлическую пластину двумя пальцами и повернул. Плащ соскользнул с плеч, упал в воду и сразу потянулся назад, к открытому залу. Течение подхватило его и унесло под решётку.

Я заставила себя смотреть на цепь у его шеи, хотя всё ещё ощущала тепло его руки и осторожность, с которой он отпустил меня после застёжки.

— Клинок, — напомнил он. — Разрубите ошейник по заднему знаку.

— Ритуал заставлял меня целиться в тебя. Теперь ты сам просишь поднести оружие к шее.

— Ирония не ускользнула от меня.

Он повернулся спиной. На серебряном обруче под волосами находился небольшой знак, похожий на раскрытый глаз. Я подняла клинок, стараясь не касаться кожи.

— Если промахнусь...

— Не промахнётесь. Семь казней должны были чему-то вас научить.

— Например, не доверять спокойным драконам.

— Полезный вывод.

Я ударила по знаку. Лезвие вошло в металл без сопротивления, и ошейник раскрылся. Сайлас сорвал его, бросил в воду, затем подставил левое запястье. Второй обруч поддался после двух ударов.

Освободившись, он расправил плечи. В тесном проходе это движение заставило меня отступить, насколько позволяла стена. На его руках проступили полосы чешуи, а пальцы на миг вытянулись, заканчиваясь тёмными когтями. Сайлас сжал кулак, и человеческий облик вернулся.

— Почему не превратишься полностью? — спросила я.

— Под городом мало места. Кроме того, большая часть моей силы осталась в цепях.

— Но на иллюзию её хватило.

— Ненадолго. Если Мерод поймёт, что увидел обман, он перекроет нижние переходы.

— Он уже понял.

Сайлас посмотрел на меня.

— Почему вы так решили?

— Перед падением я видела его лицо. Он испугался.

— Мерод редко пугается. Значит, мы сделали что-то правильно.

Течение усилилось. Вода поднялась выше пояса, и из тёмного прохода впереди донёсся скрежет.

Сайлас двинулся первым. Я шла следом, удерживая клинок над водой. Золотой свет на лезвии давал узкую полосу видимости: грубо обработанные стены, свод с трещинами и ступени, уходящие вниз.

— Мы под площадью? — спросила я.

— Под старой частью города. Помост построили над ритуальным колодцем.

— Ты знал о нём?

— Знал, что он существует. Рута не позволяла мне увидеть вход.

— Прежняя Рута?

— Другой здесь не было.

Я остановилась. Вода толкнула в спину, но я удержалась за стену.

— Ты продолжаешь говорить обо мне так, словно я отвечаю за её поступки.

Сайлас тоже остановился и повернулся. Свет клинка очертил его лицо снизу, делая взгляд жёстче.

— На вас её лицо, её голос и её клинок. Семь рассветов — короткий срок, чтобы забыть триста лет.

— Для меня этих трёхсот лет не существует.

— А для меня существуют.

— Тогда объясни. Что Рута сделала с тобой?

Он несколько мгновений молчал. Над нами раздался далёкий удар, затем по своду прошла дрожь.

— Она создала основу ритуала, — сказал Сайлас. — Она привела меня на площадь. Она замкнула цепи и первой произнесла приговор.

— В приговоре говорится, что ты убил королеву Эстеру.

— Я её не убивал.

— А семнадцать хранителей?

— Они погибли в ночь, когда Рута запечатала город.

— По твоей вине?

— Если вам нужен ответ, который помещается в одно слово, выберите тот, с которым легче поднять клинок.

Злость помогла забыть о холодной воде.

— Ты требуешь союза и отвечаешь загадками.

— Я требую выбраться отсюда раньше, чем нас найдут. Ответы не помогут, если следующий рассвет мы встретим на помосте.

— А недоговорённость поможет?

— Она оставит нам время.

Он отвернулся и продолжил путь.

Я пошла следом, хотя желание ударить его рукоятью клинка стало убедительным. Сайлас помнил больше меня и пользовался этим преимуществом. Он предложил общую цель, но сам определял, какую правду считать своевременной.

Проход закончился низкой аркой. За ней находилась круглая шахта, наполовину заполненная водой. По стенам поднимались каменные выступы, а в центре вращалось колесо с золотыми пластинами. Каждая пластина при соприкосновении с водой вспыхивала и посылала свет к своду.

На противоположной стороне виднелась дверь.

— Защитный механизм? — спросила я.

— Старый солнечный затвор.

— Как его пройти?

— Не касаться света.

Одна из пластин поднялась из воды. Луч прошёл по шахте и рассёк каменную стену. В месте удара осталась дымящаяся борозда.

— Исчерпывающее объяснение.

Сайлас проследил за вращением колеса.

— Лучи повторяются через четыре оборота. Когда нижняя пластина уйдёт под воду, идите вдоль левой стены. На третьем выступе остановитесь.

— Почему ты не идёшь первым?

— Потому что клинок притягивает свет. Если ошибётесь, мне придётся вытаскивать вас оттуда.

— Удивительно заботливо.

— Практично. Без вас дверь не откроется.

Я ступила на первый выступ. Вода здесь уходила вниз, образуя водоворот. Камень был скользким, а расстояние между опорами превышало длину шага. Пришлось держаться ладонью за стену.

Первая пластина скрылась. Я перешла на второй выступ, затем на третий. Луч пронёсся за спиной и ударил в проход, из которого мы пришли.

— Дальше! — велел Сайлас.

Я переступила на четвёртую опору. Клинок вспыхнул, и колесо изменило скорость. Золотые пластины повернулись одновременно.

— Ты говорил, что они повторяются!

— Так было раньше.

Свет сошёлся на мне с двух сторон.

Я подняла клинок, не зная, поможет ли металл остановить удар. Сайлас прыгнул с края шахты, схватил меня за плечи и прижал к стене в узком промежутке между выступами. Лучи пересеклись там, где я стояла мгновение назад.

Его тело закрыло меня от рассыпавшихся каменных осколков. Одна рука упиралась в стену над моим плечом, другая удерживала за талию. Мы оказались так близко, что я различала золотые крапинки вокруг его вертикальных зрачков.

— Это тоже было частью плана? — спросила я.

— Нет.

— Приятно услышать честный ответ.

Сайлас перевёл взгляд на клинок, зажатый между нами.

— Механизм узнал оружие Руты и попытался уничтожить носителя.

— Значит, эти переходы защищались от неё?

— Или от того, кем она могла стать.

Следующий луч двигался по стене. Сайлас развернулся, подхватил меня под локоть и перенёс на соседний выступ. Мы добрались до противоположного края, где он толкнул меня к двери.

— Вставьте клинок в прорезь.

В камне находилась вертикальная щель. Я ввела лезвие до гарды. По двери разошлись золотые линии, однако створка не открылась.

— Что теперь?

— Поверните.

Я попыталась. Рукоять не двигалась.

Сайлас положил ладонь поверх моей. От его кожи исходило тепло, особенно осязаемое после холодной воды. Он не сжал мои пальцы и не попытался управлять движением, только добавил силу.

— Вместе, — сказал он.

Мы повернули клинок.

За дверью что-то тяжело сдвинулось. Створка ушла в стену, открывая узкий коридор. Я вытащила оружие и шагнула внутрь. Сайлас мог последовать сразу, но задержался у порога.

— Идём, — позвала я.

Он смотрел на вращающееся колесо.

— Механизм изменился после вашего появления. Раньше он не реагировал на клинок так быстро.

— Ты уже проходил здесь?

— Пытался во время одного из повторений.

— Один?

— Рута тогда не помнила петлю.

Он вошёл в коридор, и дверь закрылась за нами. Я не успела задать следующий вопрос: из пола поднялись золотые нити, обвились вокруг моих щиколоток и дёрнули назад.

Я упала на колено. Клинок вылетел из руки и остался по другую сторону нитей.

Сайлас находился впереди, уже вне ловушки. Коридор за его спиной уходил вверх. Он мог уйти, пока дверь и механизм задерживали меня.

На одно короткое мгновение он действительно посмотрел туда.

Затем вернулся.

— Не двигайтесь, — приказал он.

— Я и не планировала танцевать.

Золотые нити поднялись выше и затянулись вокруг голеней. От них исходило жжение, а на камне подо мной проявился знак клинка.

Сайлас опустился рядом, не касаясь света. Его пальцы снова покрылись чешуёй. Он провёл когтем по первой нити. Та вспыхнула и отдёрнулась, но на её месте появились две новые.

— Они связаны с оружием, — сказала я. — Пока клинок лежит там, ловушка будет держать меня.

— Вижу.

— Забери его.

— Если я пересеку знак, дверь откроется обратно и солнечный затвор ударит по коридору.

— Тогда уходи. На следующем рассвете попробуем иначе.

Он поднял на меня взгляд.

— Вы всерьёз предлагаете мне оставить вас Мероду после того, как помогли выбраться с помоста?

— Ты сам сказал, что мне нельзя доверять.

— Недоверие не освобождает от выбора.

Сайлас снял с запястья обрывок цепи, который всё ещё висел после падения, и бросил его к клинку. Серебристый металл коснулся рукояти. Золотые нити дрогнули, переключаясь на прежнюю связь с пленником.

Он воспользовался мгновением, перескочил через знак и схватил оружие. Солнечный затвор за дверью проснулся. Сквозь камень проступил свет.

— Лови! — крикнул Сайлас.

Клинок пролетел над нитями. Я поймала его обеими руками и ударила плашмя по знаку на полу. Свет погас. Сайлас прыгнул обратно, когда дверь уже открывалась, и рухнул рядом со мной. По коридору прошёл золотой луч, но створка успела закрыться, отсекала его и оставила на камне раскалённую полосу.

Нити исчезли.

Я села, привалившись к стене. Ноги дрожали после напряжения. Сайлас находился рядом, опираясь ладонью о пол. На его рукаве появилась обгоревшая полоса, однако он не обращал на неё внимания.

— Ты мог уйти, — сказала я.

— Мог.

— Почему вернулся?

Он поднялся и протянул мне руку.

— Потому что вы не создавали эту ловушку. Оставить вас здесь означало бы согласиться с чужим приговором.

Я вложила ладонь в его пальцы. Он помог встать и сразу отпустил, но ответ остался между нами сильнее прикосновения.

Он не был обязан спасать меня, однако вернулся, хотя новый рассвет мог дать ему очередной шанс. Это не доказывало невиновность Сайласа, зато разрушало удобный образ чудовища из приговора.

— У нас союз? — спросил он.

— Временный.

— Других в этом городе не бывает.

— Условия будут моими тоже. Ты не скрываешь сведения, от которых зависит моя жизнь. Не используешь меня как Руту Фальк и не решаешь за меня, какую правду я выдержу.

Сайлас помолчал.

— Сведения придётся давать по мере того, как мы сможем их проверить.

— Это не согласие.

— Это единственная честная формулировка, которую я могу предложить.

— А ты требуешь от меня чего?

— Больше не поднимайте клинок против меня по собственной воле.

Я посмотрела на оружие.

— Семь раз моей воли там было меньше, чем ты думаешь.

— Я начинаю это понимать.

Впервые между нами возникло не только перемирие, но и признание того, что каждый видел лишь часть чужой ловушки.

— Хорошо, — сказала я. — Временный союз.

Сайлас протянул руку, словно предлагал закрепить договор обычным человеческим жестом.

Я коснулась его ладони. Чешуйки исчезли, кожа оставалась горячей. Он сжал пальцы один раз и отпустил.

— Теперь нам нужно понять, куда ведёт коридор, — сказал он.

— Ты не знаешь?

— За этой дверью я прежде не бывал.

— Значит, мы только что выбрали путь вслепую.

— В вашем мире союзы заключают иначе?

— Обычно после знакомства.

— Мы знакомы семь смертей.

— Это не лучший способ произвести впечатление.

В его глазах мелькнуло неожиданное веселье. Я отвернулась раньше, чем он успел заметить, какое действие произвела на меня его улыбка.

Коридор поднимался пологим уклоном. Вода стекала по ступеням, а на стенах встречались круги, перечёркнутые знаком клинка.

Мы шли рядом, когда ширина позволяла, и один за другим в узких местах. Сайлас не пытался забрать оружие. Он оставил клинок у меня, хотя тот оставался единственным предметом, способным рассечь его цепи и, возможно, самого дракона.

— Что ты видел в конце прошлого дня? — спросила я.

— Город исчезал.

— Я увидела тебя на помосте после казни.

Он остановился.

— Где именно?

— В центре площадки. Цепей уже не было. Фигура подняла голову перед тем, как пришла тьма.

Сайлас нахмурился.

— Иллюзия не могла сохраниться до вечера.

— Значит, это был ты?

— После настоящей казни моё тело возвращается только с рассветом.

— Ты уверен?

— В собственной смерти трудно сомневаться.

За сухим ответом скрывалась усталость. Я не стала спрашивать, сколько раз ему пришлось убедиться: такой вопрос заставил бы его снова прожить каждую смерть.

— Мерод помнит повторения, — сказала я. — Вчера он практически признался.

— Он помнит больше остальных, но не всё.

— Откуда ты знаешь?

— Иногда он меняет охрану, иногда повторяет прежние ошибки. Если бы сохранял каждый день целиком, давно устранил бы все возможности для побега.

— А Гектор?

— Не помнит. Он служит порядку, потому что считает его единственной защитой города.

— Юна пыталась запомнить фразу, но утром повторила обычные слова.

Сайлас посмотрел на меня сбоку.

— Вы доверились ей?

— В конце дня. Она уже видела гибель Аурема.

— Рута держала Юну подальше от ритуала.

— Почему?

— Этого она мне не объясняла.

— Опять половина ответа.

— На этот раз это вся часть, которой я располагаю.

Коридор вывел нас к каменному мосту над глубоким резервуаром. Внизу двигалась чёрная вода, отражавшая золотые линии на своде. Мост сохранился лишь наполовину. Дальше оставались отдельные плиты, висевшие над пустотой без опор.

На другой стороне виднелась арка с изображением чёрного солнца.

Сайлас ступил на первую плиту. Она опустилась под его весом, но удержалась.

— Идите за мной по тем же камням.

— Почему не обойти?

— Потому что вода внизу течёт к сердцу ритуала. Она забирает всё, что падает.

— Ты говоришь так, словно проверял.

— Проверял не я.

Он не пояснил, кого видел внизу, и я не стала настаивать посреди разрушенного моста.

Первые три плиты выдержали. На четвёртой камень под моей ногой накренился. Я перенесла вес вперёд, но край ушёл вниз, и подошва соскользнула.

Сайлас развернулся быстрее, чем я успела позвать. Он схватил меня за предплечье и притянул к себе на узкую плиту. Камень, с которого я сорвалась, упал в резервуар. Чёрная вода приняла его без всплеска.

Мы стояли лицом друг к другу на плите, где едва хватало места для двоих. Сайлас удерживал меня за спину, не позволяя отклониться назад.

— Не смотрите вниз, — сказал он.

— После семи концов света высота впечатляет меньше.

— Тогда смотрите на меня.

Я подняла голову. Его голос прозвучал так же, как перед ложной казнью, и послушаться оказалось легче, чем хотелось признавать.

В бронзовых глазах отражался свет клинка. Сайлас держал меня осторожно, хотя любое движение могло отправить нас в резервуар.

— Следующая плита справа, — произнёс он. — Я перейду первым и заберу вас.

— Ты уже держишь меня.

— Тогда постарайтесь не спорить хотя бы до арки.

— Невыполнимое условие союза.

Он снова улыбнулся, но теперь без прежней горечи. Затем развернулся, перенёс меня вместе с собой на соседний камень и помог добраться до края.

Под аркой мы остановились. Мост позади начал разрушаться. Плиты одна за другой уходили в чёрную воду, закрывая обратный путь.

— Нас ведут, — сказала я.

— Или не хотят выпускать.

Перед нами находилась лестница, уходившая в широкий зал. Здесь стены были облицованы тёмным стеклом, а по полу тянулся неглубокий канал. Вода из него стекала к резервуару. На противоположной стене виднелся большой прямоугольник, скрытый слоем минерального налёта и пыли.

Сайлас вошёл первым, прислушался и поднял руку, призывая меня остановиться. В зале не было стражи и работающих механизмов. Только вода мерно падала со ступени на ступень.

Я подошла к стене. Под налётом просматривались золотые и багровые краски.

— Это изображение, — сказала я.

Клинок отозвался светом. По прямоугольнику пробежала золотая линия, и часть налёта осыпалась.

На стене появилось чёрное солнце.

Оно занимало верхнюю половину картины, окружённое медным венцом. Внизу был изображён Аурем, но не тот город, который я видела на поверхности. Башни стояли ниже, вокруг них тянулись открытые каналы, а на месте дворца находился круглый храм.

Перед городом стояли двое.

Женщина держала ритуальный клинок. Тёмные волосы были собраны на затылке, у виска виднелся белый шрам. Художник передал черты безошибочно.

Рута Фальк.

Рядом с ней находился Сайлас. Не прикованный и не склонившийся перед приговором. На его плечах лежал тёмный плащ, руки были свободны, а за спиной поднимался контур драконьих крыльев. Они стояли не друг против друга, а рядом, обращённые к чёрному солнцу.

Сайлас подошёл ближе. Его лицо стало неподвижным.

— Ты знал об этом? — спросила я.

— Нет.

— Изображению не триста лет?

Он провёл пальцами над нижним краем, не касаясь краски.

— Этот зал старше дворца. Возможно, старше самого ритуала.

— Но здесь вы оба.

— Здесь наши лица.

— Какая разница?

— Пока не знаю.

В центре изображения руки Руты и Сайласа находились над круглым знаком. От клинка шла золотая линия, от ладони дракона — тёмно-красная. Они соединялись под чёрным солнцем.

Я вспомнила дверь, которую мы открыли только вместе. Вспомнила защитный механизм, изменившийся при появлении клинка, и фигуру Сайласа на помосте после его смерти.

Под картиной тянулась строка древних знаков. Я не умела читать их, но стоило поднести клинок, как линии перестроились. Символы стали понятными, словно смысл возник прямо в памяти тела.

Сайлас прочитал одновременно со мной.

«Только палач и приговорённый смогут освободить Аурем».

Глава 3. Один день до гибели

Смысл надписи проник в сознание вместе с золотым светом клинка, однако понятнее от этого не стал.

Я перечитала строку ещё раз, надеясь, что древние знаки сложатся иначе.

«Только палач и приговорённый смогут освободить Аурем».

— Слово «смогут» меня радует, — сказала я. — Остальная часть вызывает вопросы.

Сайлас не ответил. Он стоял перед изображением и рассматривал женщину с моим нынешним лицом. В тёмном стекле стены отражались его напряжённые плечи и золотой свет, бегущий по краю клинка.

На картине Рута Фальк держала оружие обеими руками. Сайлас касался раскрытой ладонью круглого знака между ними. Художник изобразил их союзниками, хотя в известных городе событиях один вынес приговор другому.

Я провела клинком вдоль нижн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.